

То был день рождения Чи Шэнуна, и старик был невероятно счастлив. Он пригласил на торжество семьи, с которыми поддерживал тесные связи, и старинное поместье вмиг наполнилось гудком голосов и оживлением.

Девушек в поколении семьи Чи почти не было, а она среди всех была самой младшей — даже на несколько месяцев младше Чи Илань, шедшей шестой по старшинству. Поэтому Чи Шэнон благоволил ей, балуя как приёмную дочь. Пусть она нечасто показывалась в доме Чи, каждый раз при встрече Чи Шэнон искренне радовался.

Чи Шэнон страстно любил чай, а больше всего — устраивать чайные состязания. Ему непременно подавай отборный белый чай из Фудина да чайную утварь с глазурью «заячий пух» — только так можно было гарантировать, что настой получится безупречно белым, а пенка ляжет на стенки чаши с невероятной красотой.

Тогда Гу Пинцянь насильно сунул ей в руки дорожную чашу с глазурью «заячий пух», велел преподнести её в качестве подарка к юбилею.

Она бережно прижимала к груди подарочную коробку, неотступно следуя по пятам за третьим братом по просторному двору, рассеянно слушая, как он обменивается любезностями с гостями, и в один миг, потеряв бдительность, отстала от него.

Она обошла двор несколько раз, любуясь сменяющимися пейзажами старинной усадьбы и буйной зеленью, но так и не смогла выйти к парадному залу.

А затем она увидела Чи Илань. В то время она и Чи Илань уже почти не общались. Во-первых, Чи Илань съехал из старого особняка и стал жить отдельно, а во-вторых, кроме детской дружбы, в зрелые годы они давно уже отдалились друг от друга и не состояли в тех отношениях, чтобы просто так подходить и здороваться.

Поэтому она просто стояла на месте и молча наблюдала.

Чи Илань был в свободном спортивном костюме, бледный до кончиков пальцев, необыкновенно сдержанный и отрешенный.

Его черты лица были настолько правильными, что можно было даже сквозь гендерные границы назвать его красивым. Даже с такого большого расстояния было видно, как веки покрыты редкой тенью густых ресниц. Она гадала, росли ли его ресницы пучками, иначе почему они казались такими густыми?

Он поднялся из-под беседки, обвитой глицинией, и осыпавшиеся лепестки покрыли его с ног до головы. Однако он лишь небрежно взмахнул рукой, но не смахнул ни единого лепестка. Впрочем, его это не волновало, и он, хромя, направился в противоположную сторону.

Его нога была повреждена?

Стоя в нескольких шагах от него, она подумала: всё из-за третьего брата, который вечно твердил мне, что с шестым господином Чи трудно ладить, и теперь я даже поздороваться боюсь.

Когда же представится возможность пообщаться с ним и стать ближе, чтобы исчезла эта неловкость?

Может быть, он совсем не такой, как говорил третий брат.

Наивно думала тогда Гу Пинву.

В итоге, когда такая возможность действительно представилась, это оказалось сплошным разочарованием. Боль в груди — глухая и давящая — вырвала её из задумчивости. По привычке сжав ладонь в кулак, она прижала его к неровно бьющемуся сердцу. Лишь спустя несколько мгновений удушье понемногу отступило. Она уже собиралась достать лекарство, как вдруг услышала приближающиеся шаги.

Гу Пинъю заново застегнула молнию на рюкзаке.

— Плохо себя чувствуешь? — раздался чей-то голос.

Она машинально ответила:

— Нет.

Ответив, она на секунду замерла, а затем подняла голову.

Стоя против света, Гу Пинъю совершенно неожиданно увидела знакомое лицо с безупречными чертами. Некоторое время она неподвижно смотрела на собеседника, храня молчание.

Чи Илань с выражением досады на лице прямо перед ней присел на корточки.

— Залезай.

Он уже возмужал, находился в полном расцвете сил и без тени сомнений подставлял ей свою широкую спину. Через тонкую хлопковую футболку, казалось, можно было различить рельеф каждой мышцы, наполнившейся силой.

Гу Пинъю неожиданно вспомнила, как он катается на скейтборде, и подумала: как же прекрасно быть здоровым.

Чи Илань обернулся и подстегнул её:

— Давай, залезай.

Встретившись взглядом с его неизменно холодными глазами, она улыбнулась:

— Не нужно, я сама дойду.

Чи Илань с мрачным лицом медленно выпрямился, повернулся к ней и бросил:

— Тогда пойдешь сама?

— Угу.

Чи Илань не стал настаивать — лишь молча протянул ей трекинговые палки и зашагал вперед.

Её шаги были медленными, ноги казались такими тяжёлыми, будто тянули её вниз.

Гу Пинъю с самоиронией усмехнулась, но шагавший впереди Чи Илань вдруг обернулся и спросил:

— Чему ты улыбаешься?

— Ничему.

Она остановилась, прищурившись, пару секунд изучала его и бросила наугад:

— Просто удивляюсь, с чего это ты вдруг решил вернуться за мной.

— Ты же сама сказала: просто проявил доброту.

Чи Илань, похоже, не горел желанием продолжать разговор, снова двинулся вперед и больше до самого конца не обращал на неё внимания.

Когда они догнали хвост основной группы, солнце уже село. Все как раз остановились неподалёку от горного клуба и решили разбить лагерь, поужинать и отдохнуть.

Гу Пинъю, разумеется, поселили в одном номере с Чэн Ин, а остальные парни заняли большой люкс, собираясь играть в карты всю ночь напролёт.

Гу Пинъю давно выбилась из сил, одежда пропиталась потом, и ей хотелось лишь как следует понежиться в горячей ванне. Она с головой ушла в ванную комнату и долго оттуда не выходила.

Чэн Ин убежала в большой люкс играть в карты. Выйдя из душа, Гу Пинъю ждала, пока высохнут волосы, но Чэн Ин всё не возвращалась. Взглянув на часы, она увидела, что уже восемь вечера, а ехать или звать к ужину никто не собирался. Немного встревожившись, она вышла из номера на поиски.

Этот горный клуб был выдержан в старинном стиле, корпуса соединялись переходами, а гостевые люксы располагались в соседнем здании. Извилистые дворики и галереи напоминали настоящий лабиринт. Гу Пинъю нельзя было назвать топографическим кретином, она лишь смутно помнила слова Чэн Ин о том, что нужно спуститься на цокольный этаж, а затем подняться снова. Пройдя какое-то расстояние так, как велела Чэн Ин, она забыла, где находится, и ей пришлось выйти на улицу в надежде напрямую срезать путь через многочисленные внутренние дворики.

Название клуба было наполнено старинным очарованием — «Опьяненные цветами тени», — и оно полностью оправдывало себя.

Едва ли не на каждом шагу на том отрезке пути, что она преодолела, ее чуть не засыпало густыми переплетениями цветочных теней. С трудом отыскав нужный номер люкса, Гу Пинъю

постучала в дверь.

Все находившиеся в комнате разом обернулись к ней.

Парнем, открывшим дверь, оказался тот самый молчун, который вечно околачивался в компании Фу Ситана и Чи Иланя.

Поначалу Гу Пинъю слышала лишь, как Чи Илан и остальные звали его А Нань, и только когда однажды услышала, как его вызывает профессор, узнала, что его настоящее имя Цзинь Бонань. Его семья была связана с высшим руководством иностранных компаний, и в отличие от Фу Ситана, знавшего с Чи Иланем с малых лет, он сошелся с ними только в университете.

Цзинь Бонань и прежде всегда был еще более немногословным, чем Чи Илан, но сейчас с чего-то вдруг спросил ее:

— Отдохнула? Будешь играть с нами в карты?

Чи Илан, сидевший за столом для маджонга, лишь в этот момент запоздало посмотрел на нее, и во взгляде его промелькнуло странное замешательство.

Как раз наступила пора цветения камелий, и пока Гу Пинъю шла сюда, белоснежные и ярко-алые цветы то и дело целыми бутонами падали ей под ноги.

Цветы эти не обладали насыщенным ароматом, но были свежи и прелестны, и Гу Пинъю не удержалась — подобрала по дороге один. Она приколотла ярко-алый цветок к нагрудному кармашку своей белоснежной хлопковой рубашки, и он выглядел так, будто вырос прямо на ней.

Она только что приняла ванну, полусухие волосы рассыпались по спине, на лице величиной с ладонь не было ни грамма косметики — стоило лишь бросить взгляд, и она могла поспорить своей красотой с любым цветком.

Чэн Ин сидела за спиной у Чи Илана, наблюдая за игрой, и, заметив вошедшую девушку, подскочила, схватила Гу Пинъю за руку и спросила:

— Откуда это маленькое красное цвестишко?

Прижатая ею к стулу у стола для маджонга, Гу Пинъю почувствовала себя немного неловко:

— По дороге подобрала...

— Зачем ты ее сюда усадила? — Чи Илан вдруг резко сбросил только что вытянутую из стены костяшку. — Хочешь играть?

Гу Пинъю опешила от такого вопроса, недоумевая, почему Чи Илан вечно придирается именно к ней. Подумаешь, в прошлый раз всеми правдами и неправдами помешала ему ввязаться в массовую драку — так ведь ради его же блага старалась, с чего бы так затаивать обиду?

Чэн Ин почувствовала, что атмосфера между ними сложилась щекотливая, и, вспомнив, как Чи Илан перед этим с тем же странным выражением лица отреагировал на просьбу встретить гостью внизу, поспешно вмешалась:

— Гу Пинъю, ты не голодна? Может, сыграем одну партию, а потом поужинаем?

Однако Чи Илан оттолкнул костяшки от себя:

— Пойдемте ужинать, уже за восемь часов.

Фу Ситан как раз вышел из туалетной комнаты и, услышав это, принялся вопить на все лады:

— Ужинать, ужинать, я умираю с голоду!

Чэн Ин оставалось лишь с извиняющимся видом посмотреть на Гу Пинъю, опасаясь, как бы та не почувствовала себя обделенной вниманием.

Гу Пинъю и без того не испытывала ни малейшего интереса к маджонгу. В детстве она насмотрелась на карточные баталии благодаря своему третьему брату, и вся эта атмосфера казалась ей лишь удушливой и грязной. Поэтому она с улыбкой покачала головой в ответ на взгляд Чэн Ин и вместе со всеми отправилась к выходу.

У дверей Чи Илан немного помедлил, дожидаясь, пока она поравняется с ним, и, глядя перед собой, не поворачивая головы, тихо бросил:

— Нечего пялиться на то, во что мы играем, и самой загораться этим. Девушкам не стоит садиться за маджонг, тут один дым коромыслом.

Гу Пинъю постояла на месте, переваривая услышанное, и ее чуть не распирло от злости — вот уж поистине перекладывание с больной головы на здоровую! Сам-то не понимает, что кругом дым коромыслом? И кто, спрашивается, только что сидел там за игрой?

Это раздражение не отпускало ее весь ужин, напрочь отбив аппетит.

Гу Пинъю ковыряла палочками полупрозрачный креветочный пельмень в пиале, но так и не притронулась к нему. Сидевший как раз рядом Чи Илан снова тихо произнес:

— Не переводи еду зря.

В конце концов, ее слишком долго воспитывали в строгих правилах: хоть ей безумно хотелось ответить какое-нибудь тебе не касается, из-за присутствия посторонних она сдержалась, молча закинула пельмень в рот, тщательно прожевала и тут же встала из-за стола.

— Я наелась, очень хочу спать, пойду ложиться. Пока.

Только тут Чи Илан сообразил: кажется, Гу Пинъю расстроилась?

Впрочем, из-за чего именно она расстроилась, ему было лень выяснять. Если бы он вздумал разбираться во всех женских капризах по очереди, ему бы просто некогда стало заниматься серьезными делами.

Фу Ситан наблюдал за всем от начала и до конца. Толкнув локтем сидевшего рядом Цзинь Бонаня, он заставил того вздрогнуть, так что кусок редисочного пирога, который тот уже поднес ко рту, выпал обратно.

Цзинь Бонань с ледяным выражением лица посмотрел на него, но Фу Ситан пропустил его кислую мину мимо ушей и с приглушенным смешком поинтересовался:

— Эй, как думаешь, такой непроходимый чурбан, как Шестой Чи, вообще способен найти себе жену?

Цзинь Бонаня чужие жены ни капли не волновали; храня молчание, он подцепил упавшее угощение палочками и съел его, сделав вид, что ничего не слышал.

За ужином Чэн Ин несколько раз пыталась завести разговор с Чи Иланем, но каждый раз натывалась на глухую стену из коротких односложных ответов.

Мда, угу, а? Ась... и все в таком духе.

В конце концов Чэн Ин убедилась, что Чи Илан — абсолютный убийца любых разговоров, и ей пришлось досрочно покинуть застолье, чтобы навестить Гу Пинъю.

Вернувшись в номер и приоткрыв дверь, она увидела, что та уже спит. Подойдя ближе, Чэн Ин разглядела, что девушка лежит на боку, свернувшись калачиком, а обе руки аккуратно сложены под щекой — настоящая спящая красавица, воплощение скромности и изящества.

Позавидовав про себя этой картине, Чэн Ин отправилась в ванную.

<http://bllate.org/book/21436/2190827>